

КАНАДСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СТРАНЫ И СТРОИТЕЛЬСТВА ИНСТИТУТОВ SOFT POWER

Иванов Алексей Геннадьевич,

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
кафедра всеобщей истории,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Магнитогорск, Россия,
E-mail: a-ivanov79@mail.ru

Аннотация

Изучение канадского опыта формирования национального имиджа на мировой арене и реализации политики soft power представляется актуальным, прежде всего потому, что маленькой стране, соседствующей с США, с которыми её объединяет английский язык, иллюзорная граница, общий рынок рабочей силы, постоянный обмен товарами и услугами и пр., удалось создать достаточно самобытный образ государства, приверженного мультилатерализму, миротворчеству и защите прав человека.

Ключевые слова:

Канада, имидж страны, мягкая сила, мультилатерализм, миротворчество, концепция «безопасности личности».

В самом начале следует оговориться, что данное сообщение ни в коем случае не претендует на сюжетную завершенность и далеко идущие выводы. Автор видел свою задачу лишь в том, чтобы сформировать общие представления об истории создания современного имиджа страны кленового листа и строительства её институтов «мягкой силы».

Итак, Канада на международной арене занимает место державы среднего ранга. Являясь второй по территории страной мира и обладая достаточно высоким показателем ВВП, она, тем не менее, не может похвастаться многочисленным населением, крупными вооружёнными силами или наличием ядерного оружия. Численность населения Канады не превышает 35 млн. человек, её армия насчитывает около 60 тыс., а в обеспечении безопасности она почти полностью полагается на США. Эти обстоятельства обуславливают предрасположенность страны к использованию механизмов soft power.

Поиски собственного имиджа на мировой арене Оттава активно начинает, по-видимому, после окончания Второй мировой войны. Важно

понимать, это было не простой задачей, поскольку Канаду либо продолжали ассоциировать с Британией, хотя её колониальный статус к этому времени был уже в прошлом, либо считали ещё одним штатом США из-за исторически глубоких экономических, военно-политических и культурных связей между соседями. Исходя из этого, Канаде предстояло сформировать страновой образ, который отличал бы её и от бывшей метрополии, и, особенно, от Соединённых Штатов.

Прежде всего, созданию самобытного позитивного имиджа Канады способствовала успешная внутригосударственная политика. Хорошим примером такой политики служит мультикультурализм, как комплекс мероприятий, нацеленный на поощрение сохранения культурного наследия эмигрантов и этнического многообразия канадского общества [7, с. 111–112]. В рамках этого курса Канада в 1973 г. одной из первых в мире учредила Министерство по делам многокультурности и объявила мультикультурализм официальной политикой, что заметно усилило её привлекательность для переселенцев со всего света в сравнении с США, где, как известно, долгое

Конференц-зал

время использовали «плави́льный котел» для их ассимиляции. Мультикультурализм фактически стал одним из национальных брендов Канады.

Серьёзные усилия для формирования имиджа Оттава предпринимала на поле мировой политики, где с самого начала была сделана ставка на мультилатерализм, т. е. участие государства в максимально большом количестве международных организаций, многие из которых, кстати говоря, были созданы при участии самой Канады [3, с. 53]. Её приверженность мультилатерализму, многосторонней дипломатии во многом объясняется тем, что державе среднего ранга проще заявить о себе, озвучить свою позицию и реализовать свои интересы не самостоятельно, а в формате международных структур. Присутствие в многочисленных организациях к тому же позволяло Канаде, в значительной степени зависящей от экспорта, находить новых торговых партнеров и решать экономические задачи. Таким образом, со второй половины XX века за Канадой прочно закрепился образ страны, приверженной многостороннему диалогу, а не односторонним и тем более силовым действиям, которые часто характерны для США.

Анализ показывает, что наиболее активной в создании самобытного имиджа государства и строительстве институтов *soft power* была либеральная партия, традиционно стремившаяся вывести Канаду из тени США и придать ей собственное лицо в рамках мирового сообщества.

Именно при либералах страна кленового листа впервые громко заявила о себе, когда в 1956 г. в период Суэцкого кризиса Министр иностранных дел Канады Л. Пирсон выступил с предложением сформировать в рамках ООН чрезвычайные силы для физического разъединения воюющих сторон и обеспечения необходимых условий для мирных переговоров [14, р. 8–9]. Так появились «голубые каски», Пирсон в 1957 г. получил Нобелевскую премию мира, а новаторство в урегулировании межгосударственных споров и конфликтов, миротворчество и поддержание мира на долгие годы стали визитной карточкой канадской внешней политики [7, р. 277].

Возглавляя правительство в 1960-е гг., Л. Пирсон уделял серьёзное внимание развитию

механизмов *soft power*. К важнейшим успехам его команды в этой сфере можно отнести создание Отдела международного образования (Canadian Bureau for International Education) в 1966 г. для привлечения талантливой молодежи на обучение, а также проведение в Монреале в год 100-летнего юбилея Канады Всемирной выставки «Экспо-67», благодаря которой весь мир узнал о достижениях этой молодой страны.

Имидж Канады, как государства, придерживающегося своей собственной, независимой от США внешней политики, заметно укрепился при либеральных правительствах П.Э. Трюдо (1968–1979 и 1980–1984 гг.). Стратегия кабинетов Трюдо состояла в стремлении диверсифицировать экономические, политические и культурные связи с Вашингтоном, даже за счет стран, которые рассматривались американцами как враждебные [1, с. 39–45]. Так, Канада в 1970 г., на 9 лет раньше, чем Соединенные Штаты, признала Китайскую Народную Республику и установила с ней дипломатические отношения, заметно активизировала контакты с СССР [16], а также с Кубой. Конечно, подобные шаги не изменили принципиально характер отношений с США, но они заметно подняли авторитет Канады на международной арене.

Сложно переоценить роль правительств Трюдо в строительстве институтов «мягкой силы». Во-первых, в 1968 г. либералы открыли Канадское агентство международного развития (Canadian International Development Agency), которое было призвано координировать финансовую и техническую помощь развивающимся странам [11, р. 14]. Во-вторых, с целью изучения ключевых социально-экономических проблем государств Третьего мира для дальнейшего формирования программ помощи в 1970 г. был учрежден Центр исследований по международному развитию (International Development Research Centre). К слову, создание этих организаций в полной мере отвечало задачам имиджевого позиционирования страны, ведь Канада в данном случае представляла в образе ответственного члена мирового сообщества и успешной бывшей колонии, помогающей молодым, недавно освободившимся африканским и азиатским государ-

Конференц-зал

ствам на пути становления независимости. И, наконец, в-третьих, для распространения знаний о Канаде в мире в 1981 г. правительство открыло Международный совет канадских исследований (International Council for Canadian Studies), чья задача состояла в том, чтобы за счет грантовой поддержки увеличивать ряды канадоведов и их публикационную активность.

Очень продуктивным и инновационным с точки зрения реализации механизмов soft power было следующее либеральное правительство Ж. Кретьена (1993–2003), во многом потому, что сама эпоха 1990-х способствовала этому.

Окончание холодной войны вызвало эйфорию и успокоение в западном обществе и, как уже не раз это бывало после завершения глобальных конфликтов, светлую веру в возможность построения мира без войн. После краха СССР ресурсы и инструменты hard power утрачивали былую значимость для общественности, а интерес к развитию международных отношений путем диалога, конструктивного взаимодействия, убеждения заметно возрастал. Напомним, известная книга патриарха теории soft power Дж. Ная появилась в 1991 г. и стала, на наш взгляд, откликом ученого на текущие события [19]. Демократизация в странах Центральной и Восточной Европы, которая привела Ф. Фукуяму к мысли о «конце истории» и грядущем триумфе западной модели, объективные процессы глобализации, обусловившие экономическую взаимозависимость государств, информационная революция, связанная с развитием мобильной связи, компьютеров и интернета, делали мир более однородным и тесным.

В этой атмосфере команда Ж. Кретьена, и прежде всего МИД Канады во главе с Л. Эксуорси, сформулировали проект новой модели международных отношений, главными элементами которой стали два взаимосвязанных концепта – human security и soft power. Первый, по словам экспертов, в духе либерального интернационализма отдавал приоритет международному, а не государственному праву, предлагал считать первостепенным безопасность личности, а не безопасность суверенных государств [18, р. 31–32]. Термин «безопасность личности» трактовался расширительно и включал защиту чело-

века от угрозы голода, эпидемий болезней, экологических катастроф и пр. Такую масштабную задачу планировалось решать усилиями членов всего мирового сообщества, как правительственными структурами, так и общественными, как организациями, так и отдельными людьми [8].

Механизмам soft power в связи с этим отводилась особая роль. Именно многочисленные негосударственные акторы – бизнес-корпорации, СМИ, известные персоны, активисты, неправительственные организации – по мысли Эксуорси и его коллег, используя современные информационные технологии, способны работать там, где деятельность официальных структур затруднительна или менее эффективна, способны мобилизовать общественное мнение в пользу решения той или иной важной проблемы в плоскости human security, к примеру, проблемы бедности, охраны окружающей среды или гражданских свобод [9, р. 9]. Чтобы придать еще большую значимость этим акторам при либералах даже был создан особый формат официальных визитов в зарубежные страны – «Сборная Канады» (Team of Canada), миссия, в которую входили не только премьер-министр, глава дипломатического ведомства, премьер-министры провинций, но и представители деловых кругов, эксперты, деятели науки. Число членов такой миссии порой доходило до 300 человек.

Одним из наиболее ярких примеров практической реализации концепций human security и soft power является так называемый Оттавский процесс.

В рамках данной инициативы Канада в соответствии с теорией human security ставила на повестку дня мирового сообщества проблему, существовавшую долгие годы, но так и не получившую адекватного решения. Речь шла о противопехотных минах, которые, несмотря на все запреты, зафиксированные в международном праве, продолжали применяться в военных конфликтах стран Третьего мира, унося многочисленные человеческие жизни. В октябре 1996 г. канадское правительство организовало международную конференцию по полному запрету производства, хранения, экспорта и применения противопехотных мин. В ней участвовали

Конференц-зал

представители 50 государств-организаторов и 24 страны-наблюдателя. Эта конференция и положила начало Оттавскому процессу, целью которого стала выработка и подписание в течение одного года договора о запрещении противопехотных мин. Всего за один год усилия стран-членов процесса, собиравшихся на конференции в Вене (февраль 1997 г.), Брюсселе (июль 1997 г.) и Осло (сентябрь 1997 г.), привели к тому, что в декабре 1997 г. на заключительной конференции в Оттаве Договор о запрещении применения, накопления, производства и передачи противопехотных мин и их уничтожении был подписан представителями 122 стран. Всего за четыре месяца документ ратифицировали 40 стран, и он вступил в силу [12, p. 157].

Механизмы и инструменты *soft power* нашли в Оттавском процессе самое широкое применение. С самого начала к переговорам и разработке проекта договора были привлечены многочисленные неправительственные организации, которые участвовали в них в качестве наблюдателей и имели такой же статус, как и наблюдатели от правительств. Это был первый прецедент участия НПО наряду с руководством государств в международных переговорах по разоруженческой тематике. Неправительственные организации развернули масштабную кампанию за подписание договора. Одни, как Международный Комитет Красного Креста, размещали в СМИ рекламу, фильмы, видео ролики, призывавшие к запрету противопехотных мин. Другие для оказания давления на власти стран, медлившие с подписанием договора, устраивали акции. Например, во время обсуждения проекта документа в парламенте Австрии активисты доставили к зданию законодательного органа шесть тонн тифель, которые символизировали жертвы противопехотных мин. Третьи собирали подписи под Петицией с требованием запрета мин и убеждали мировых знаменитостей подключиться к их кампании [10, p. 493–495]. Деятельность НПО принесла свои плоды, договор в итоге был подписан.

Итак, заслуги правительства Ж. Кретьена в построении имиджа страны и институтов *soft power* вполне очевидны. В том же направлении,

пусть и с менее впечатляющими результатами, действовал очередной кабинет либералов во главе с П. Мартином (2003–2006). Их наиболее значимым достижением в этой области стало создание в 2005 г. Фонда обеспечения мира и безопасности (*Global Peace and Security Fund*), цель которого, как следует из официального документа, состояла в «обеспечении финансовых ресурсов для содействия своевременному, эффективному предотвращению конфликтов, антикризисным мерам, миротворческим операциям, защите гражданского населения и стабилизации нестабильных государств в соответствии с приоритетами внешней политики Канады» [15].

В отличие от либералов канадские консерваторы чаще всего проявляли скепсис в отношении эффективности механизмов *soft power*, предпочитая развивать вооруженные силы и тесные отношения с США как важнейшим союзником и гарантом безопасности страны.

Сегодняшний курс правительства Стивена Харпера – лучшая демонстрация данного подхода. Отталкиваясь от позиции, что политика *soft power* дорогостоящая, приносит результаты лишь в долгосрочной перспективе, а при ограниченных ресурсах Канады лучше тратить их на повышение обороноспособности и укрепление армии, правящая Прогрессивно-консервативная партия с 2006 г. заметно увеличила военные расходы, модернизировала оборонную стратегию и вооруженные силы, усилила военное присутствие в Арктике [8]. В стремлении завоевать репутацию «самого верного союзника» Соединенных Штатов Америки, консерваторы следовали в фарватере дипломатии Белого Дома и с высоких трибун критиковали деятельность тех международных организаций, в первую очередь ООН, которые «мешали» Вашингтону в реализации его амбициозных планов. Более того, консервативное правительство Харпера вывело Канаду из ряда структур, в частности из Киотского протокола, рассматривавшихся либералами как наиболее ценными для внешнеполитического имиджа страны.

С оправданием необходимости экономии в условиях кризиса консерваторы изменили механизм функционирования ведущих институ-

Конференц-зал

тов soft power и закрыли ряд важнейших государственных программ. Так, в 2013 г. успешно действовавшее на протяжении последних 45 лет и прежде автономное Канадское Агентство Международного Развития было включено в Министерство иностранных дел, торговли и развития, превратившись в Управление по развитию. Число стран-реципиентов канадской помощи было сокращено до 20, а её бюджет значительно урезан. Одновременно по решению министра иностранных дел была закрыта многолетняя программа внешнеполитического ведомства Канады по поддержке академических исследований и университетских учебных курсов за рубежом (Canadian Studies Program), соответствующие должности в посольствах упразднены, осталась действующей лишь неправительственная организация – Международный совет по канадоведению. Наконец, из-за снижения государственного финансирования Канадская вещательная корпорация прекратила трансляцию программ на ряде иностранных языков, в том числе на русском [5, с. 76–78].

Курс Харпера сегодня вызывает серьезную критику со стороны представителей либеральных кругов, предсказывающих, что с отказом от политики soft power, Канада, которой и так достаточно сложно проявить себя на международной арене, полностью утратит собственное лицо, будет ассоциироваться с США и превратится в маргинального игрока [5, с. 89].

Выводом может служить следующее. Канадский опыт как нельзя лучше показывает, что маленькой стране вполне по силам сформировать самобытный имидж, даже находясь в достаточно специфических условиях соседства с такой супердержавой, как США, с которыми Канаду объединяет английский язык, иллюзорная граница, общий рынок рабочей силы, постоянный обмен товарами и услугами и пр. Наибольших результатов в позиционировании государства средствами soft power достигли либералы, и им в основном принадлежит заслуга в формировании имиджа Канады как страны, приверженной многосторонней дипломатии, миротворчеству и защите прав человека. Интерес канадских либералов к политике soft power, скорее всего,

связан со склонностью либеральных сил вообще к диалогу, коллективному взаимодействию, компромиссному урегулированию международных конфликтов в отличие от консерваторов, чаще признающих силу в качестве главного инструмента решения проблем. По крайней мере, пример консерваторов Канады, почти во всем поддерживающих США и следующих за ними, подтверждает это.

1. Бабаев Э.А. Основные направления внешней политики Канады в 70-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2004.
2. Евтихевич Н.С., Израелян Е.В. Концепция «безопасности личности и общества»: канадский подход // Пути к миру и безопасности. 2013. № 1. С. 38–51.
3. Израелян Е.В. Канадский мультилатерализм: прошлое и настоящее // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 7. С. 53–66.
4. Израелян Е.В. Права человека во внешней политике Канады // США и Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 5. С. 90–100.
5. Израелян Е.В., Соколов В.И. Канада: «мягкая сила» как основа внешней политики державы «среднего ранга» // Вестник международных организаций. 2014. № 2. С. 72–94.
6. Комкова Е.Г. Внешнеполитический курс Канады при правительстве С. Харпера // США и Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 11. С. 21–37.
7. Соколов В.И. Канада: поиск национальной идентичности путем создания многокультурного общества // Пространство и время в мировой политике и международных отношений: материалы 4 Конвента РАМИ. М., 2007. Т. 2. С. 108–114.
8. Axworthy L. Canada and human security: the need for leadership // International Journal. 1997. Vol. 52. № 2. P. 183–196.
9. Axworthy L. Navigating a New World: Canada's Global Future. Toronto, 2003.
10. Ayres J.M. Civil society participation in Canadian foreign policy: expanded consultation in the Chrétien years // Handbook of Canadian Foreign Policy. Lanham, 2006. P. 491–512.
11. Bruneau T. CIDA: the organization of Canadian overseas assistance. Montreal, 1978.
12. Cameron M., Lawson R., Tomlin B. To Walk without Fear: The global movement to ban landmines. Toronto, 1998.
13. Cohen A. Martin's first year on foreign policy – the rhetoric of good intentions // Policy Options. 2005. Vol. 26. № 2. P. 47–50.
14. Dorn W. Canadian Peacekeeping: proud tradition, strong future? // Canadian Foreign Policy. 2005. Vol. 12. № 2. P. 7–32.
15. Evaluation of the Global Peace and Security Fund // Department of Foreign Affairs, Trade and Development. URL: http://www.international.gc.ca/about-a_propos/oig-big/2011/evaluation/gpsf_fpsm11.aspx?lang=eng (дата обращения: 30.06.2014).
16. Farr D. Prime Minister Trudeau's opening to the Soviet Union, 1971 // Nearly Neighbours. Canada and the Soviet Union: from Cold War to Détente and beyond. Kingston, 1989. P. 102–118.
17. Granatstein J.L. Canada and Peacekeeping: Image and Reality // Canadian Foreign Policy: Historical Readings.

Конференц-зал

Toronto, 1993. P. 276–285.

18. McRae R., Hubert D. Human security and the new diplomacy. Montreal, 2001.

19. Nye Joseph S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.

20. Potter E.H. Branding Canada: Projecting Canada's Soft Power Through Public Diplomacy. Montreal, 2009.

1. Babaev E'.A. Osnovnye napravleniya vneshnej politiki Kanady v 70-e gg. XX veka: dis. ... kand. ist. nauk. Krasnoyarsk, 2004.

2. Evtixevich N.S., Israelyan E.V. Konceptiya «bezopasnosti lichnosti i obshchestva»: kanadskij podxod // Puti k miru i bezopasnosti. 2013. № 1. S. 38–51.

3. Israelyan E.V. Kanadskij mul'tilateralizm: proshloe i nastoyashhee // SShA i Kanada: e'konomika, politika, kul'tura. 2013. № 7. S. 53–66.

4. Israelyan E.V. Prava cheloveka vo vneshnej politike Kanady // SShA i Kanada: e'konomika, politika, kul'tura. 2012. № 5. S. 90–100.

5. Israelyan E.V., Sokolov V.I. Kanada: «myagkaya sila» kak osnova vneshnej politiki derzhavy «srednego ranga» // Vestnik mezhdunarodnyx organizacij. 2014. № 2. S. 72–94.

6. Komkova E.G. Vneshnepoliticheskij kurs Kanady pri pravitel'stve S. Xarpera // SShA i Kanada: e'konomika, politika, kul'tura. 2008. № 11. S. 21–37.

7. Sokolov V.I. Kanada: poisk nacional'noj identichnosti putem sozdaniya mnogokul'turnogo obshchestva // Prostranstvo i vremya v mirovoj politike i mezhdunarodnyx otnoshenij: materialy 4 Konventa RAMI. M., 2007. T. 2. S. 108–114.

9. Axworthy L. Navigating a New World: Canada's Global Future. Toronto, 2003.

10. Ayres J.M. Civil society participation in Canadian foreign policy: expanded consultation in the Chrétien years // Handbook of Canadian Foreign Policy. Lanham, 2006. P. 491–512.

11. Bruneau T. CIDA: the organization of Canadian overseas assistance. Montreal, 1978.

12. Cameron M., Lawson R., Tomlin B. To Walk without Fear: The global movement to ban landmines. Toronto, 1998.

13. Cohen A. Martin's first year on foreign policy – the rhetoric of good intentions // Policy Options. 2005. Vol. 26. № 2. P. 47–50.

14. Dorn W. Canadian Peacekeeping: proud tradition, strong future? // Canadian Foreign Policy. 2005. Vol. 12. № 2. P. 7–32.

15. Evaluation of the Global Peace and Security Fund // Department of Foreign Affairs, Trade and Development. URL: http://www.international.gc.ca/about-a_propos/oig-big/2011/evaluation/gpsf_fpsm11.aspx?lang=eng (data obrashheniya: 30.06.2014).

16. Farr D. Prime Minister Trudeau's opening to the Soviet Union, 1971 // Nearly Neighbours. Canada and the Soviet Union: from Cold War to Détente and beyond. Kingston, 1989. P. 102–118.

17. Granatstein J.L. Canada and Peacekeeping: Image and Reality // Canadian Foreign Policy: Historical Readings. Toronto, 1993. P. 276–285.

18. McRae R., Hubert D. Human security and the new diplomacy. Montreal, 2001.

19. Nye Joseph S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.

20. Potter E.H. Branding Canada: Projecting Canada's Soft Power Through Public Diplomacy. Montreal, 2009.

CANADIAN EXPERIENCE OF FORMING THE IMAGE OF THE COUNTRY AND BUILDING THE INSTITUTIONS OF SOFT POWER

Ivanov Alexey Gennad'evich,

Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov,
associate professor of Department of General History,
PhD in History, associate professor,
Magnitogorsk, Russia,
E-mail: a-ivanov79@mail.ru

Annotation

Studying the Canadian experience of building the national image on the world stage and using policy of soft power seems actual, especially because the small country neighboring to the United States, with which it combines English, the illusory border, the common labor market, the constant exchange of goods and services etc., managed to create the original image of state committed to multilateralism, peacekeeping and human rights.

Key words:

Canada, image of the country, soft power, multilateralism, peace-making, the concept of «human security».
